

- ³ *Леонов Г. А. Э. Э. Ухтомский. К истории ламаистского собрания Государственного Эрмитажа // Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии. Новосибирск, 1985. С. 107.*
- ⁴ См.: *Перхин В. В. Э. Э. Ухтомский – редактор газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в письмах (1897–1919) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2003. № 5. С. 59.*
- ⁵ [*Мещерский В. П.*] Дневник. Понедельник, 23 октября // *Гражданин. 1895. 24 октября. № 293. С. 3.*
- ⁶ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1370. Л. 34 об.
- ⁷ *Ухтомский Э. Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891 : в 3 т. Лейпциг, 1897. Т. III, ч. 5. С. 33.*
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 32; [*Ухтомский Э.*] О Белом Царе // *Санкт-Петербургские ведомости. 1896. 4(16) июня. № 151.*
- ¹⁰ [*Ухтомский Э.*] С.-Петербург, 1 января 1896 г. // *Санкт-Петербургские ведомости. 1896. 1(13) янв. № 1. С. 1.*
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ [*Ухтомский Э.*] С.-Петербург, 9 июля. 1896 г. // *Санкт-Петербургские ведомости. 1896. 10(22) июля. № 187. С. 1.*
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: *Ухтомский Э. Э. О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье. СПб., 1892. С. 48.*
- ¹⁹ *Волконский С. М. Мои воспоминания : в 3 т. Берлин, 1923. Т. 3. С. 66.*
- ²⁰ РГИА. Ф. 1072. Оп. 2. Д. 188. Л. 1–1 об.
- ²¹ *Шерих Д. Визитная карточка Петербурга. Жизнь от Петра до Путина в зеркале «Санкт-Петербургских ведомостей». М., 2009. С. 177.*
- ²² *Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 253–254.*
- ²³ Там же. С. 254.
- ²⁴ См.: *Леонов Г. А. Указ. соч. С. 107.*
- ²⁵ Цит. по: *Шерих Д. Указ. соч. С. 179.*
- ²⁶ См.: *Официальный отдел // Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 15(28) янв. № 7. С. 1.*
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ [*Ухтомский Э.*] Суббота, 22 августа: Манифест 17 октября // *Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 22 октября (4 ноября). № 245. С. 1.*
- ²⁹ [*Ухтомский Э.*] Четверг, 27 апреля. Лицом к лицу // *Санкт-Петербургские ведомости. 1906. 27 апр. (10 мая) № 92. С. 2.*
- ³⁰ *Неизбежная развязка // Санкт-Петербургские ведомости. 1907. 2(15) июня. № 121. С. 1.*
- ³¹ *Занавес опустился // Санкт-Петербургские ведомости. 1907. 5(18) июня. № 123. С. 3.*
- ³² ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1370. Л. 76.

УДК 94(47).083+929 Распутин

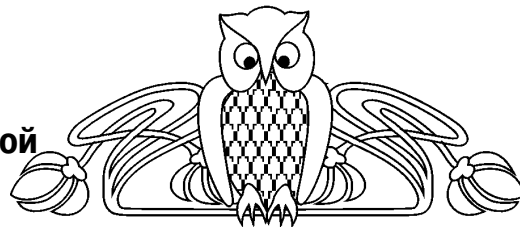
Г. Е. РАСПУТИН И «РАСПУТИНИАДА» В СУДЬБЕ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА (по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства)

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье предпринята попытка определения роли и степени влияния Г. Е. Распутина на внутреннюю и внешнюю политику последнего русского императора. Основное внимание уделено исследованию материалов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, занимавшейся «обследованием деятельности темных сил». Автор приходит к выводу, что результатом политико-криминальных походов Распутина при царском дворе явились дискредитация царской семьи и разрушение сакральности русской монархии.

Ключевые слова: Распутин, «темные силы», монархия, Николай II, Александра Федоровна, Чрезвычайная следственная комиссия.

**G. E. Rasputin and «Rasputiniada» in Russia's Destiny
Early XX Century (According to the Extraordinary
Commission of Inquiry of Provisional Government)**

Yu. V. Varfolomeev

The article attempts to define the role and impact of GE Rasputin on domestic and foreign policies of the last Russian emperor. Emphasis is placed on the study materials of Extraordinary Commission of Inquiry of Provisional Government, engaged «survey of the dark forces». The author concludes that the result of political and criminal adventures of Rasputin at the royal court was to discredit the royal family and the destruction of the sacredness of the Russian monarchy.

Key words: Rasputin, «dark forces», monarchy, Nicholas II, Extraordinary Commission of Inquiry.

Центральной фигурой в ходе «обследования деятельности темных сил» Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства стала, безусловно, личность самого Григория Распутина – лидера и вдохновителя этого «подводного течения» самодержавной власти. «Для России Распутин стал символом камарильи так же, как и падения престижа династии, полного и окончательного разрыва между властью и обществом к концу 1916 – началу 1917 г.»¹, – верно отмечает И. В. Алексеева. Распутин справедливо считается ярчайшим олицетворением «темных сил», но вопрос о его реальном влиянии на государственные дела остается дискуссионным: диапазон мнений – от признания за ним полного господства в политике (М. Н. Покровский, В. П. Семенников) до отрицания его влияния на курс власти вообще.

С другой стороны, Г. З. Иоффе, например, считает, что «Распутин лично не только не играл сколько-нибудь самостоятельной политической роли, но нет данных, свидетельствующих о том, что он пытался играть ее»², и сводит его роль к тому, что Распутин «улавливал черносотенные склонности и желания “царствующих особ” и довольно тонко подыгрывал им». По мнению Иоффе, Распутин «был скорее проводником определенных влияний на “носителей власти”, но характер и размер этих влияний ни в коем случае не следует доводить до общегосударственных масштабов»³. В то же время, думается, объективная и верная оценка роли Распутина находится между двумя этими полюсами.

«О Распутине так много написано, что нет надобности характеризовать его еще раз, – считал А. Я. Аврех, – важнее точно установить характер, методы и размеры его влияния на царскую чету»⁴. Установлению характера, методов и размеров влияния Г. Е. Распутина на царскую чету и в целом на внутреннюю и внешнюю политику России как раз и была посвящена работа одной из следственных частей Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Расследование политико-криминальной деятельности предводителя «темных» сил Г. Е. Распутина было возложено на следственную часть под весьма символическим номером 13⁵. В этой же следственной части нашло свое продолжение расследование похождениям «святого черта» и в рамках секретного дела Тобольской духовной консистории «О крестьянине Гр. Распутине-Новом»⁶. При производстве следственных действий особое внимание было обращено на личность и характер деятельности Г. Е. Распутина при царском дворе, а также на степень его тлетворного влияния на августейших особ. Комиссией была проделана грандиозная работа по сбору различных материалов о «святом черте». Только одна служебная документация по этому делу составила 88 листов!

По материалам расследования бывший прокурор Харьковской судебной палаты следователь Ф. П. Симсон подготовил сводку о распутинщи-

не. Этот документ состоит из семи разделов. В первом из них излагается биография Распутина до того времени, как он приехал в Петербург и был введен в ближний круг царского двора. Следующий раздел показывает, как складывался «распутинский кружок» в Петербурге и кто в него входил. В третьем разделе, названном Симсоном «Последние носители царской власти», обобщены обширные фактические материалы о последних Романовых. Четвертый и пятый разделы, названные «Безответственные влияния» и «Влияние безответственных сил на верховное управление», содержат подробную характеристику деятельности авантюристов и проходимцев, группировавшихся вокруг Распутина и использовавших его в своих интересах. Здесь приведены многочисленные данные, свидетельствующие о том, что Распутин систематически вмешивался в дела, связанные с управлением империей, фактически смещал и назначал не только министров, но и председателей совета министров. В шестом разделе собраны материалы о влиянии «безответственных сил» на вопросы церковного управления. Они убедительно показывают разложение верхушки православной церкви накануне 1917 года. Седьмой раздел документа посвящен отношению к «безответственным силам» широких общественных кругов. В этом разделе содержится доклад члена Государственной думы, члена ЦК партии кадетов присяжного поверенного В. А. Маклакова о распутинщине, сделанный им в конце 1916 года. Заключительная часть сводки дает краткую юридическую оценку материалов.

Постепенный политический закат, а затем и смерть П. А. Столыпина вызвали оживление деятельности «темных» сил. В постстольпинскую эпоху возшла звезда самого беспринципного и «фартового» из них – Г. Е. Распутина. Лидер кадетов П. Н. Милюков обратил внимание на то, что «связка» царского двора и лидера «темных» сил Распутина произошла примерно в 1908–1909 гг. «Распутин, конечно, не первая фигура этого рода, только наиболее яркая, – считал Милюков. – Сам по себе Распутин не типичная темная политическая сила. Им начинают пользоваться, когда он акклиматизируется, когда пускает корни. Типичная форма этих темных сил скорее организация большой шайки для извлечения денег всеми способами. Чем дальше, тем больше эта компания: Распутин, Андроников и можно назвать еще несколько имен, они систематически организуют такое сообщество для извлечения денег от клиентов, которые не могут провести своих дел законным путем. Тут создается организация освобождения от воинской повинности, довольно значительные темные дела, протекция назначения на должности, не только на должности министров, но иногда на очень мелкие должности. Сам Распутин стоит в центре просто потому, что он передаточный механизм; он та пружина, которая направляет все эти ходатайства на усмотрение. Даже трудно сказать,

чтобы он всегда пользовался результатами. Тут прямо какая-то смесь денежного интереса и готовности услужить. Вообще, политическая сторона выплывает только по временам. Несомненно, что Распутин с самого начала играет некоторую политическую роль»⁷.

«Сибирский Зарагуэстра», как его называет Г. З. Иоффе, вполне мог показаться правым силам тем человеком, который был способен во времена смуты укрепить дух царя и царицы, поддержать их в упрочении исконных основ русской государственности. Французский посол М. Палелог, хорошо информированный о том, что происходило в российских «верхах», записал в своем дневнике слова Феофана, убеждавшего царскую чету познакомиться с Распутиным. «Григорий Ефимович, – говорил он, – крестьянин, простой человек. Вашим Величеством принесет пользу его выслушать, потому что голос русской земли слышится из его уст...»⁸. Это значило, что Распутину отводилась роль некоего рупора русской земли, голоса простого русского народа, свободного от «западной порчи», коснувшейся столичного общества. Он, видимо, должен был укреплять колеблющегося царя в стремлении следовать во внутренней политике курсом, определяемым исторической традицией, русскими «национальными началами». Так безответственные и «темные» силы вводили Распутину в среду идеологической и политической борьбы.

Появление псевдорелигиозного проходимца при царском дворе было следствием, в первую очередь, семейных проблем Николая II, а именно рождения в июле 1904 г. долгожданного наследника Алексея, больного гемофилией. Бессилие медицины и отчаяние родителей сразу открыли путь в царскую семью тем, кто мог их утешить и тем более облегчить страдания ребенка. Таким человеком оказался «старец Григорий». В царской семье он впервые появился в ноябре 1905 года. С этого момента Распутин крепко держал в поле своего влияния растерянно мнительных и склонных к мистицизму супругов угрозой не только смерти их сына, но и гибели всей царской фамилии, ловко эксплуатируя этот страх. Его ненавязчивый шантаж был гениально прост: «Наследник жив, куда жив я». А позднее шарлатан предусмотрительно расширил и эту парадигму: «Моя смерть будет вашей смертью»⁹. Его демоническое влияние было настолько сильным, что и приближенные императора прониклись этой идеей. Так, 17 декабря 1916 г., после убийства Распутина, министр внутренних дел Н. А. Маклаков писал царю: «Россия останется – как купол без креста», угроза династии...»¹⁰. Эти слова, свидетельствовавшие о подавленном настроении любимца царя, отметил редактор стенографических отчетов А. А. Блок.

«Одним из самых ценных материалов для освещения личности Распутина, – писал следователь В. М. Руднев, – послужил журнал наблюдений негласного надзора, установленного за

ним охранным отделением и веденного до самой его смерти. Наблюдение за Распутиным велось двойное: наружное и внутреннее. Наружное сводилось к тщательной слежке при выездах его из квартиры, а внутреннее осуществлялось при посредстве специальных агентов, исполнявших обязанности охранителей и лакеев»¹¹. Журнал наблюдений за предводителем «темных сил» велся полицией с поразительной точностью изо дня в день, и в нем отмечались даже кратковременные отлучки «объекта» хотя бы на два-три часа, причем обозначались как время выездов и возвращений, так и все встречи «старца» по пути его следования. Внутренняя агентура фиксировала всех посетителей квартиры на Гороховой, 64, и все они аккуратно вносились в журнал. При этом если фамилии некоторых из гостей Распутина не были известны филерам, то в этих случаях они подробно описывали их приметы¹².

Следователь Руднев, внимательно изучив эти журналы, допросив ряд свидетелей, фамилии которых в них упоминались, и сопоставив эти показания, пришел к выводу, что «личность Распутина, в смысле своего душевного склада, не была так проста, как об том говорили и писали»¹³. Исследуя нравственный облик Распутина, он обратил внимание на историческую последовательность тех событий и фактов, которые, в конце концов, открыли уникальному авантюристу доступ ко двору. Следователь детально и документально проследил этапы «восхождения» Распутина к власти над властью, роковую роль проходимца в судьбе его недавних покровителей архиепископов Феофана и Гермогена и, наконец, апогей «распутинщины» вблизи трона, когда «у него пробуждаются заглохшие низкие инстинкты и он превращается в тонкого эксплуататора доверия Высоких Особ к его святости»¹⁴. Материалы расследования, пожалуй, впервые позволили официально заявить о том, что, как отмечал следователь Руднев, «Распутин несомненно обладал в сильной степени какой-то непонятной внутренней силой в смысле воздействия на чужую психику, представлявшей род гипноза <...> при этом, конечно, указанное воздействие на психику должно быть объяснено наличием необыкновенной гипнотической силы Распутина, а верность предсказаний – всесторонним знанием им условий придворной жизни и его большим практическим умом»¹⁵.

Следствием были собраны многочисленные материалы относительно просьб, проводимых Распутиным при дворе. Все они касались, как правило, высоких назначений, перемещений, помилований, пожалований, а также бизнеса – проведения железнодорожных концессий и т. п. Правда, основываясь на этих событиях, В. М. Руднев сделал позднее несколько нелогичный вывод о том, что «решительно не было добыто никаких указаний о вмешательстве Распутина в политические дела, несмотря на то, что влияние его при Дворе, несомненно, было велико»¹⁶. Как раз

напротив, эти факты неумолимо свидетельствовали о сильном, хотя и опосредованном влиянии Распутина на различные сферы экономики и политики страны в последнее десятилетие самодержавия. «Весь характер назначений последних лет это, несомненно, уже результат попытки взять политику в руки лично доверенных лиц, исключая, вообще, даже политические стремления, а просто вследствие постепенно растущего чувства небезопасности и потребности некоторой самообороны, – разъяснял распутинскую кадровую политику П. Н. Милюков. – Чем дальше, тем больше употребление такого рискованного средства политического изолирует тех, кто его употребляет. Мы видели это к концу прошлого года совершенно ясно, когда даже ближайшие родственники отказались от поддержки, от солидарности на этой почве. С Распутиным и с теми, которые его употребляли. На этой почве создавались очень определенные семейные столкновения потому, что чувство опасности росло ведь и в среде этих родственников. По мере того как Государственная Дума чувствовала, что она вовлекается в конфликт, по мере того как разворачивались общественные силы, это создавало совершенно определенное сознание династической опасности, не только личной»¹⁷.

Главной опасностью для Николая II и его семьи, а на самом деле для себя лично, Распутин считал родственников царя и Думу, испытывая при этом особую ненависть к А. И. Гучкову – по-видимому, за его антираспутинскую кампанию в прессе в 1912 году. Не очень понимая природу и статус Думы, «святой черт» опасался ее преимущественно потому, что именно из ее стен выходили главные разоблачения против него. «Наружу мы сами вывели Распутина, когда Государственная Дума впервые о нем заговорила, – подтверждал опасения Распутина П. Н. Милюков. – Тогда это был первый скандал, который был публично устроен. В руки Родзянко попали некоторые документы, которые он передал царю. Это первый случай раскрытия отношений Распутина к царской семье. Затем речи в Государственной Думе о нем, в результате его удаление временное из Петрограда и довольно скорое потом возвращение. Все это находится на границе политики и личных фамильных дрызг. Но в позднейшее время это, несомненно, опять приближается к сфере политической»¹⁸.

Предложения Распутина относительно Государственной думы были крайне противоречивы: он одновременно предлагал Николаю II и распустил Думу, и посетить ее. Царское посещение Таврического дворца 9 февраля 1916 г. многие исследователи приписывают влиянию Распутина. На самом деле за несколько дней до визита царя к нему с такой же идеей обратился А. А. Клопов¹⁹. Поскольку Николай II видел в Клопове своеобразный индикатор общественного мнения, можно предположить, что идея Распутина в данном слу-

чае совпала с точкой зрения самодержца провести диалог с обществом.

В январе 1916 г. ставленник Распутина митрополит Питирим, очевидно, с ведома «святого черта», предпринял попытку «помириться» с Думой. В беседе с Питиримом председатель Думы М. В. Родзянко предложил ему самый простой и верный путь для достижения этого: «Соберитесь три митрополита, поезжайте к государю императору и представьте ему всю мерзость Распутина, все негодование народное и потребуйте ультиматума: или Распутин чтобы был удален, или вы его предаете анафеме от церкви. Вот тогда мы будем самые лучшие друзья». Услышав такой ответ, а по сути, ультиматум здоровых сил общества, архиерей опустил голову в клобуке и безнадежно промолвил: «... видно я от вас ничего не добьюсь»²⁰.

Вообще со стороны правительства существовал своеобразный негласный запрет депутатам произносить речи о Г. Е. Распутине. Председатель Думы Родзянко сообщил следствию, что глава правительства Б. В. Штюрмер наставлял его следующим образом: «Вы можете критиковать, сколько хотите; но я вас предупреждаю, что разговоры о Распутине могут вызвать для вас нежелательные последствия». В ответ Родзянко не удержался от восклицания: «Отчего же вы его защищаете? Это негодяй первостатейный, которого повесить мало». Но Штюрмер стоял на своем: «Это – желание свыше». Тогда почти в отчаянии председатель Думы выразил мнение большинства: «Распутин бог знает что делает. Катается пьяный по улицам; протоколы составляются в Москве и Петрограде. Как не предупредить? Какой же вы после этого монархист, вы, напротив, самый ярый республиканец, который путем поблажек колеблет монархическую идею»²¹.

Показательным примером, иллюстрирующим столкновение вокруг Распутина «желания свыше» (верховой власти) и мнения депутатов (общества), стал эпизод с так называемым распутинским докладом. В начале 1913 г. М. В. Родзянко через генерал-адъютанта Дедюлина получил указание от императора взять доклад из Святейшего синода, ознакомиться с ним, рассмотреть его и доложить свое мнение о Распутине. Получив это распоряжение, Родзянко попросил товарища обер-прокурора Доманского привезти это дело. Доманский привез документы, но на другой день снова приехал к Родзянко и попросил вернуть ему секретное дело Распутина. Председатель Думы готов был исполнить его просьбу, но только при наличии на это «Высочайшего повеления». Такой санкции у Доманского не оказалось, однако он упорно твердил, что эта просьба исходит от «очень высокопоставленного лица». После долгих препирательств Доманский все-таки вынужден был назвать это «очень высокопоставленное лицо» – «государыню императрицу». Родзянко не стусевался при подобном повороте событий и заявил визитеру: «Передайте императрице, что

она такая же подданная государя, своего супруга, как я, и должна подчиняться. Она может только повлиять и получить отмену; тогда и я подчинюсь, а теперь мне нет дела до ее желания». Ошарашенный чиновник испуганно вымолвил: «Вы знаете, на кого вы посягаете?». На что Родзянко уверенно заявил: «Я посягаю на Распутина. Если императрица заступается, это ее дело, и меня это не касается»²². Но Доманский не успокоился и, продолжая давление на Родзянко, привез с собой для поддержки законоучителя царских детей протоиерея А. Васильева, который также попытался убедить председателя Думы отдать крамольное дело о похождениях «святого черта», ссылаясь на то, «какой прекрасный человек Распутин». Здесь Родзянко уже не выдержал и, разозлившись (хотя по натуре он был довольно сдержанный человек, скорее добродушный), вспылил на ходатаев в рясах: «Как, вы сюда, в Государственную Думу, приехали хвалить Распутина, негодяя, развратника, хлыста! Вон из моего кабинета!»²³.

Огромных усилий стоило председателю Думы отстоять это дело и заняться его изучением. При этом М. В. Родзянко, умудренный опытом, поручил нескольким переписчицам снять с этого непростого ажиотажного дела несколько копий «на всякий случай», потому что иначе, если его все-таки отнимут, то «у меня не будет материала, – рассуждал он, – и всякий бы меня назвал глупцом, если бы я это упустил. Однако больше ко мне не приставали. Я закончил обследование дела, написал доклад и потребовал аудиенции»²⁴. Очевидно, «нелюбезность» Родзянко, если не сказать больше, по отношению к Доманскому и Васильеву, так как он пренебрег указанием свыше, вызвала гнев императрицы, и в этом он очень скоро смог убедиться.

После того как Родзянко подготовил доклад по материалам проверки, он известил об этом императора и попросил высочайшей аудиенции, чтобы лично доложить о результатах расследования распутинского дела. Как правило, председатель Думы получал ответ от императора на второй день, но здесь прошел день, другой, третий, а ответа от Николая II так и не было! В это время до Родзянко дошла неофициальная информация от знакомого флигель-адъютанта о том, что его «не примут». Такая новость крайне его расстроила. «Когда председатель Думы докладывал о запросе в Думе, докладывал резко и с кучей документов (между прочим, там такая подробность была: фотография Распутина, в монашеском клобуке и с наперсным крестом, и я это ему показывал), без всякой моей просьбы получается высочайшее повеление сделать дознание по секретному делу, – возмущался он, – а когда я готов, меня не хотят принять»²⁵.

Пытаясь найти поддержку, Родзянко едет к премьер-министру В. Н. Коковцову, известному своим благожелательным отношением к Думе, но и тот подтверждает неутешительное известие:

«Я слышал, что Вас не примут». Более того, явившийся в это время курьер от императора доставил Коковцову пакет с письмом Родзянко, на котором Николай II поставил резкую резолюцию: «Прошу председателя совета министров сообщить председателю Государственной Думы, что он принят не будет. Считаю необходимым обратить внимание ваше на то, что подобные выходы, которые имели место в Государственной Думе, терпимы быть не могли, и прошу вас войти в соглашение с председателем Государственной Думы и выработать меры к их пресечению»²⁶.

Пораженный подобной формой доведения высочайшего решения до председателя Государственной думы (не напрямую, как принято, а через правительство) и негативной реакцией самодержца, Родзянко решил, что если он не добьется у Николая II аудиенции, то выйдет в отставку «с изложением причин», побудивших его к этому. Успокаивая председателя Думы, Коковцов посоветовал ему телеграфировать в Царское Село и доложить императору о том, что он желает получить ответ с объяснением всех причин данного дела. На другой день Родзянко получил от императора письмо, в котором тот приносил свои извинения, что не мог его принять лично, так как был очень занят, и просил прислать ему письменный доклад. Родзянко так и поступил и одновременно попросил Коковцова, отправившегося к царю в Ялту, проследить судьбу его многострадального доклада. Когда Коковцов вернулся, Родзянко первым делом поинтересовался, где доклад. Глава правительства вынужден был его разочаровать: по словам камердинера царя, «его величество, кроме ялтинского листка, ничего не читает, что от председателя Государственной Думы толстый пакет две недели лежит, и он его не трогает». И тот же камердинер с отчаянием обратился к главе правительства: «Что вы к нам так редко ездите? Его все обманывают, никто правды не говорит, приезжайте почаще»²⁷. О том, что «его все обманывают, никто правды не говорит», Николай II, в отличие от своего камердинера, узнал слишком поздно – в феврале 1917 года.

Таким образом, все перипетии, связанные с «распутинским» докладом М. В. Родзянко и «ступором» Николая II после его прочтения, однозначно указывают на то, что давление Александры Федоровны на венценосного супруга с целью защитить Распутина было настолько мощным, что в результате император был не в состоянии ни только принять какое-либо решение в связи с похождениями «святого черта», но и даже выразить по этому поводу свое мнение. По свидетельству современников, и в частности из воспоминаний А. Д. Самарина, видно, что присутствие Распутина и его похождения тяготили и компрометировали царя²⁸. С. С. Ольденбург провел интересный анализ: он взял все советы «старца», содержащиеся в письмах императрицы Николаю II, и проследил их движение. Оказалось, что ни один

совет «старца» императором не был выполнен²⁹. Но Распутин, тем не менее, влиял на внутреннюю и внешнюю политику страны опосредствованно – через назначение на высокие государственные должности. А. Н. Боханов выявил, в частности, 11 лиц, так или иначе обязанных своей карьерой Распутину³⁰. Это А. Н. Хвостов, А. Д. Протопопов, Б. В. Штюмер и др.

Судя по всему, самодержец находился в безвыходном положении и не в состоянии был решить наболевший вопрос с придворным «старцем». В напаках на Распутина он, скорее, видел вмешательство в свою личную жизнь и не хотел огорчать жену, так горячо уверовавшую в «старца». В декабре 1916 г., накануне убийства Григория Распутина, все возможные варианты и силы для выхода из этого кризиса при дворе, по свидетельству П. Н. Миллюкова, считались «... уже окончательно исчерпанными, и родственники государя признавали, что дело совершенно безнадежное. Надо сказать, что таковы же последние впечатления у всех, кто его видел. Он (Николай II. – Ю. В.) производил впечатление человека задерганного, который перестал понимать, что нужно делать, чтобы найти выход из положения. Более конкретно мне трудно изложить эту тему влияния этих темных сил»³¹.

Малограмотный Распутин плохо разбирался в политике и объективно не мог проводить какого-либо самостоятельного политического курса, однако это не означает, что он совсем не имел политических взглядов и суждений. Он был заинтересован в сохранении своего положения интимного друга царской семьи, а значит, вполне осознавал необходимость сохранения status quo, стабильности режима и династии. Эти обстоятельства и предопределили подход предводителя «темных» сил к государственным делам. В этом, собственно, и заключалась его «политика», суть которой очень точно передала З. Гиппиус: «Чтобы жить мне привольно, ну и конечно, в почете; чтобы никто не мог мне препятствовать, а чтобы что я захожу, то и делаю. А другие пусть грызут локти, на меня глядя»³². Трагедия русской монархии состояла в том, что кликушествующий проходимец с такой «политикой» сумел добраться до трона, а «темные» и безответственные силы, которые его окружали, превратили Распутина в «детонатор» той политической «бомбы», взрыв которой в феврале 1917 г. подорвал устои русской монархии.

Несмотря на свою малограмотность, Распутин был далеко не глупым человеком и отличался мужицкой хитростью, находчивостью, наблюдательностью и способностью иногда удивительно метко выражаться. Что касается его внешней грубости и простоты обращения, то они, несомненно, были искусственными, напускными и имели целью подчеркнуть его происхождение «из простого народа». Религиозный жулик-сектант никогда не приобрел бы такого влияния на царскую чету, и прежде всего на Александру Федоровну, если бы

не обладал определенными гипнотическими и экстрасенсорными способностями, а также навыками народного целительства, помогая наследнику бороться с тяжелой болезнью, перед которой оказывалась бессильной официальная медицина. Для убитой горем матери Распутин был спасителем ее сына Алексея, и ради этого она готова была на все.

С 1911 г., после устранения П. А. Столыпина, отмечается несомненное влияние Распутина на назначения министров, а несколько ранее – на определение послушных ему священников на различные церковные должности. До 1915 г. это влияние, вероятно, носило эпизодический характер и состояло в желании не допускать к рычагам управления своих открытых врагов и недоброжелателей.

Таким образом, «Когда оппозиция нащупывала уязвимое место власти, а затем выставляло его на всеобщее обозрение, – приходит к выводу Г. З. Иоффе, – тогда крушение власти становится реальным. Престиж власти начинал шататься, с нее спадали позолоченные одежды (вернее – их сдирали), и перед всеми обнаруживалось, что “король-то голый”. Флобер говорил, что святых нельзя трогать руками. На них, на руках, останется позолота. В России, где в силу долгой исторической традиции царская власть всегда считалась “от Бога”, позолота, осыпавшаяся с монарха на мозолистые руки мужика, приводила к социальному шоку. Политическая, или, хуже того, моральная, нравственная компрометация власти – практически безотказное оружие в руках противостоящих ей сил, способное стать тем детонатором, который “взрывает” общественное спокойствие»³³.

Человек, который сделал для дискредитации царской власти едва ли не больше всех, – это псевдорелигиозный проходимец Григорий Распутин. Результатом его политико-криминальных походов при дворе явилась не только дискредитация самодержца, царской семьи, но и, в конечном итоге, разрушение сакральности царской власти, а это, в свою очередь, стало одной из причин падения русской монархии.

Примечания

- 1 Алексеева И. В. Дискуссия // Россия и Первая мировая война : материалы Междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999. С. 242–243.
- 2 Иоффе Г. З. «Распутиниада»: Большая политическая игра // Отечественная история. 1998. № 8. С. 103.
- 3 Иоффе Г. З. Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С. 27–30.
- 4 Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 15.
- 5 ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 479.
- 6 Там же.
- 7 Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства : в 7 т. М. ; Л., 1924–1927. Т. 6. С. 355.

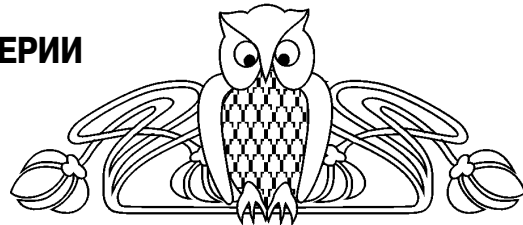
- 8 Палеолог М. Распутин: Воспоминания бывшего французского посла в России. М., 1990. С. 19.
- 9 Соколов Н. А. Убийство царской семьи. М., 1991. С. 77.
- 10 Блок А. А. Записные книжки. М., 1965. С. 363.
- 11 Руднев В. М. Правда о царской семье // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 40.
- 12 См.: Распутин в освещении «охранки»: Из дневников наружного наблюдения за его квартирой // Красный архив. 1924. Т. 5. С. 270–288.
- 13 Руднев В. М. Указ. соч. С. 40.
- 14 Там же. С. 41.
- 15 Там же.
- 16 Там же. С. 42.
- 17 Падение царского режима. Т. 6. С. 356–357.
- 18 Там же.
- 19 См.: Черменский Е. Д. IV Государственная Дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 145.
- 20 Падение царского режима. Т. 7. С. 134–135.
- 21 Там же. С. 157.
- 22 Там же. С. 160.
- 23 Там же.
- 24 Там же. С. 161.
- 25 Там же.
- 26 Там же. С. 162.
- 27 Там же.
- 28 См.: Самарин А. Д. Поездка в Барановичи // Новый журнал (Нью-Йорк). 1992. Кн. 187. С. 119–122.
- 29 См.: Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 254.
- 30 См.: Боханов А. Н. Сумерки монархии. М., 1993. С. 186.
- 31 Падение царского режима. Т. 6. С. 357.
- 32 Гиппиус З. Маленький Анин домик // Современные записки. Париж, 1923. Т. 17. С. 240.
- 33 Иоффе Г. З. Указ. соч. С. 104.

УДК 947+947(093.2)

ПОСЛЕДНИЕ МАСОНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

С. Е. Киясов

Саратовский государственный университет
E-mail: sergeykiyasov@mail.ru

Статья посвящена актуальным вопросам истории масонского движения в России начала XX столетия. Основное внимание сосредоточено на деятельности политического масонства, участниками которого являлись лидеры ведущих парламентских (думских) партий. Автор развенчивает теорию «масонского заговора» и делает вывод о неизбежности поражения отечественных «вольных каменщиков» в борьбе за власть.

Ключевые слова: русское масонство, политическое масонство, масонский заговор, либерально-масонская конспирация.

The Last Masons of the Russian Empire

S. E. Kiyasov

The article studies the topical question of the masonry movement history in Russia at the beginning of the 20th century. It particularly focuses on the activity of the political masonry, which participants were the heads of the leading parliamentary (The State Duma) parties. The author castigates the theory of “the Masonic plot” and makes the conclusion of the inevitable defeat of the Russian “free masons” in their pursuit for power.

Key words: Russian masonry, political masonry, Masonic plot, Liberal Masonic conspiracy.

Тема участия отечественных масонских лож в политических коллизиях начала XX столетия по-прежнему привлекает внимание многочисленных специалистов¹. В наши дни актуальность и востребованность данного сюжета определяется необходимостью завершения научной летописи российского «имперского» масонства.

К началу прошлого века деятельность «вольных каменщиков» на территории православной

империи по-прежнему находилась под строгим запретом². Обходя его, местные приверженцы вселенского братства приобщались к таинствам духовной работы за границей. Неудивительно, что возрождение отечественного масонства, неизбежное в быстро меняющейся стране, состоялось во Франции. Именно здесь, на территории известной своими либеральными порядками республики, в 1905 г. открыли работу первые российские ложи – «Космос» (структура Великого Востока) и «Гора Синай» (структура Великой ложи)³. Их участники и руководители (М. М. Ковалевский, Н. Н. Баженов, В. А. Маклаков, А. В. Амфитеатров, А. С. Трачевский, Е. В. Аничков, С. А. Котляревский) активно содействовали появлению масонских структур в самой России⁴. Однако в условиях внутривнутриполитического кризиса, подогреваемого военным поражением царизма на Дальнем Востоке, всплеск активности «вольных каменщиков» был незамедлительно «привязан» к теме тайной антироссийской интриги Запада. Противоборство с ней приобрело скандальный характер борьбы с «жидо-масонским» заговором⁵. Столь радикально негативное восприятие деятельности национальных масонских структур требует специальных пояснений.

Можно смело утверждать, что антимасонская истерия – явление для России отнюдь не типичное. Со второй половины XVIII в. масштабы распространения, а также численность отечественных «вольных каменщиков» не уступали европейским стандартам и составляли заметную конкуренцию